DOI: 10.17976/jpps/2016.05.06

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ДИСКУРС И РЕАЛЬНОСТЬ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

А.И. Швырков

ШВЫРКОВ Александр Иванович, кандидат философских наук, докторант Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Для связи с автором: aishvyrkov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 09.05.2015. Принята к печати: 01.02.2016

Аннотация. В статье анализируются отношения между теорией, дискурсом и политической реальностью. Проводится различение политической реальности и политических фактов: последние возникают только с появлением политической теории, и умножение числа теорий всегда означает умножение числа фактов. Вместе с тем политические теории лишь в малой степени "покрывают" имеющееся множество фактов. То, откуда черпаются политические факты, – это политическая реальность. Она непостижима, бесконечна, неисчерпаема, т.е. обладает большинством характеристик, которыми средневековые философы наделяли Бога. В силу особенностей происхождения политических теорий, в частности, их тесной связи с личностями их творцов и принципиальной, сущностной нормативностью, они могут существовать в определенной степени независимо от политической реальности. Теории служат источником слов для политического дискурса и моделей для организации политических институтов. Отношения между теорией и дискурсом лучше всего описываются с помощью метафоры порождения. То есть дискурс не является упрощенным или искаженным вариантом теории, а имеет свою собственную природу. Теория делает возможным консенсус по поводу политических установлений и институтов, поскольку предоставляет ограниченный набор альтернатив для таких установлений и институтов, независимо от того, как эти альтернативы понимаются политиками. Поскольку любой политический дискурс не может не основываться на политической теории, рано или поздно возникает согласие по поводу одной из этих альтернатив.

Ключевые слова: политическая реальность; теория; дискурс; факт; синдром бедного дискурса; политический институт.

В максимально сжатом и конкретном виде проблему, анализу которой посвящена данная статья, можно сформулировать так: почему политики лгут, а мир (государства, общества, нации и проч.) между тем продолжает существовать?

Важно отметить, что речь идет не об обычной, так сказать, *частной* лжи, когда политик, например, говорит, что не крал, хотя на самом деле крал (именно так проблема лжи политиков рассматривается в [Тарасов 2007]). Речь идет о лжи сущностной, фундаментальной, такой, например, когда на словах политик поддерживает демократические ценности, но его поведение не соответствует элементарным демократическим стандартам. И, главное, все это постоянно, *системно* сходит ему (и множеству таких же, как он) с рук.

К решению этой проблемы я предлагаю подойти путем анализа способов отношения *политической реальности, теории и дискурса*. Поэтому ниже последовательно рассмотрю следующие *три пары*: теория – дискурс, теория – реальность, дискурс – реальность. Следует отметить, что эти пары достаточно условны, а подобное разбиение – всего лишь вспомогательный прием, необходимый для первичной структуризации материала. После того как отношения внутри пар будут рассмотрены, я попытаюсь нарисовать целостную картину политического процесса в терминах *теория, дискурс, реальность*.

1. Теория – дискурс

Прежде всего следует уточнить, что я имею в виду, когда говорю о теории. Теорию я понимаю в самом узком, классическом смысле как состоящую из наиболее общих положений. В этом смысле так наз. теории среднего и тем более нижнего уровня абстракции вообще теориями не являются. При этом я признаю возможность существования теоретических положений (высказываний), не образующих теории. Другими словами, я допускаю наличие в текстах, не являющихся теориями в моем понимании, высказываний, представляющих собой широкие теоретические обобщения. Благодаря такой своей природе подобные высказывания вполне могут войти в ту или иную теорию или даже *составить* теорию.

Создание теории еще не означает "запуск" соответствующего дискурса. Пока идеи теории не попали в социально-политическую реальность, они, можно сказать, лежат мертвым грузом. Становится же дискурсом она только тогда, когда идеи ее в той или иной форме начинают использоваться с целью изменения реальности. Более конкретно: политическая теория переходит в дискурс тогда, когда к идеям, в ней изложенным, начинают систематически апеллировать в политических дискуссиях, обосновывать с помощью этих идей те или иные конкретные преобразования политических и прочих институтов и т.д.

Одна теория может порождать несколько дискурсов. В одном дискурсе, вероятно, могут себя проявлять несколько теорий. Любой дискурс, очевидно, куда менее структурирован, чем теория. Можно также предположить, что чем мощнее теория, тем мощнее порожденные ею дискурсы.

Теория порождает дискурс, однако можно ли утверждать, что между теорией и дискурсом существует некое отношение подобия, так сказать, *изоморфизм*? Думаю, однозначно этого утверждать нельзя. На мой взгляд, *метафора порождения* здесь действительно наиболее удачна.

Теория и порожденный ею дискурс могут развиваться (изменяться) достаточно независимо друг от друга. Другими словами, изменения в теории вовсе не обязательно влекут за собой изменения в дискурсе (по крайней мере, немедленные и непосредственные). Теория может уйти далеко вперед, тогда как дискурс будет "топтаться на месте" или вообще может исчезнуть. То есть здесь мы имеем расхождение в скорости и ритме изменений, расхождение *количественного* плана. Однако возможны и расхождения *качественные*, когда дискурсы и теории могут трансформироваться в соответствии с существенно различными законами.

Противоречия между двумя теориями могут быть сняты в результате создания синтетической теории, т.е. теории, которая включит в себя две исходные теории как свои *частные случаи*. Для противоречащих друг другу дискурсов существование подобного *метадискурса* не требуется.

2. Теория – реальность

2.1. Реальность, факты и теория

Я предлагаю различать *реальность* и *факты*.

Факты являются изначальным материалом для политологического анализа. Например, "президент сказал то-то...", "избиратели проголосовали так-то..." и т.д., и т.п. Ясно, что то, что мы называем фактами, – это *уже* результат некоторой предварительной интеллектуальной работы[1]. Ведь нам же надо было

[1] "...Факты нельзя... просто воспринимать, они должны быть *установлены*... Факт не существует независимо от того, замечает ли его кто-нибудь или нет; скорее факт – это итог размышлений" [Walsh 1970: 77].

хотя бы разграничить политические, экономические, физические, исторические и другие факты. То есть факты – это уже некий *полуфабрикат*.

Как *политическое явление* факт становится возможным только после появления представления о политическом вообще, с формированием понятия политического. Речь, вероятно, следует вести о неком *сдвиге в сознании*, когда те факты, что раньше рассматривались как неполитические (как "просто факты"), теперь считаются определенно политическими[2]. И как только такой сдвиг происходит, мыслить такие факты неполитическими становится очень трудно.

О том, что такой сдвиг произошел, можно судить по появлению *политических теорий* – пожалуй, только так о нем и можно судить.

"Появление" не обязательно означает *создание*: ранее созданные теории могут начать восприниматься как теории политические[3].

То, что появление политических фактов закрепляется в теории и что тот или иной факт немыслим в отрыве от некоего концептуального поля, задаваемого теорией, не означает, что факты вторичны по отношению к теории. Аналогично то, что факты являются материалом для политологического анализа, не означает, что теории вторичны по отношению к фактам. Вообще, будет существенным упрощением считать, что между теориями и фактами существует некий род причинно-следственной связи (любого направления). Однако этот вопрос требует специального исследования.

Количество фактов и количество теорий всегда коррелируют друг с другом. Умножение числа теорий означает умножение также и числа фактов, не всегда, впрочем, *пропорционального* (подробнее об этом ниже).

То, откуда мы черпаем факты (я бы сказал, *с помощью теории*), обычно называется *реальностью*.

Реальность непостижима, бесконечна, неисчерпаема, т.е. подобна *Богу* средневековых философов или Непостижимому С.Л. Франка [Франк 1990]. Представление о ней формируется только через *отрицательные определения*.

Между теорией и реальностью, понимаемой таким образом, не существует *непрерывного перехода*, заполненного чередой наблюдений, экспериментов, размышлений и логических выводов. Процесс перевода реальности в теорию – суть чуть ли не мистическое действо, над постижением которого философия бьется с самого своего зарождения, причем без особых успехов[4]. До сих пор можно точно сказать только то, что есть реальность и есть теория, что теория вроде бы представляет реальность, "репрезентирует" ее, что реальность даже можно попытаться изменить с помощью реализации некоторых положений теории и т.п., однако переход от реальности к теории и обратно все так же непостижим. Другими словами, между реальностью и теорией всегда существует *разрыв*, устранить который не представляется возможным – по крайней мере, не через анализ фактов. Обнаруживая факты или *отвергая их*, мы тем самым отнюдь не приближаемся к реальности: она все время убегает

[2] Ср. с появлением *безумия* у М. Фуко [Фуко 2010].

[3] Думаю, именно это произошло, например, с теориями Платона или Аристотеля. До этого их "политические" произведения могли рассматриваться только лишь как, например, учения о справедливом общественном устройстве или просто о справедливости.

[4] Следует отметить, что, пожалуй, лучшее доказательство существования упомянутого разрыва – это то, что теория всегда *изобретается, придумывается,* а не *открывается* (как, например, факты) [см. напр. French, Vickers 2011].

от нас, словно морская волна. Точно так же, как, находя все более мелкие частицы материи, мы все никак не можем ответить на вопрос, что же такое сама материя (материя в данном случае – это, очевидно, еще одно название или, точнее, *обозначение* непознаваемой реальности).

При этом реальность как таковая *всегда есть в наличии*, всегда доступна, дана нам, так сказать, в "непосредственном созерцании". Можно сказать, что нет ничего более доступного, более непосредственного, чем реальность. Другое дело – когда мы пытаемся выразить то, что нам дано непосредственно, представить то, что я обозначил термином "реальность" в словах или каким-то иным способом – вот здесь-то и начинаются трудности. Здесь-то и появляются *факты (и теории?)*. Другими словами, трудности начинаются тогда, когда мы *начинаем мыслить фактами (и теориями?)*.

2.2. О степени покрытия теориями фактов

Рассмотрим теперь более подробно отношения теории и фактов.

Как сказал Дж. Сартори в одном из своих выступлений, характеризуя современное состояние политологии, "теория бедна (*poor*), а факты (*data*) – обманывают (*cheat*)" [Sartori 2009].

Действительно, за последние пару сотен лет социально-политический мир чрезвычайно усложнился. Изменения, происходящие в нем и с ним, с трудом отслеживаемы и фиксируемы. Вследствие этого множество социально-политических фактов остаются "непокрытыми" теорией в сколько-нибудь достаточной степени (а потому и "обманывают"), т.е. огромное множество фактов остается никак не объясненными и не охваченными теорией: теория оказывается *бедной*.

Каковы последствия этого? Прежде всего – одновременное существование нескольких альтернативных внутренне непротиворечивых теорий. Действительно, при таком положении дел, когда теории не покрывают всего множества фактов, они могут противоречить друг другу, оставаясь при этом *подтвержденными фактами* – ведь при имеющемся обилии последних всегда можно найти такие, которые будут свидетельствовать в пользу теории. Сравнивать же можно только те теории, которые по-разному толкуют в целом *один и тот же* набор фактов.

Помимо прочего, слабость теорий, их ограниченность приводит к необходимости привлечения сразу нескольких теорий для анализа политических явлений и проблем.

Другое следствие недостатка теории – существование противоречащих друг другу фактов, никак не объясненное, *не снятое* в теории.

Относительное обилие социально-политических фактов при недостатке теорий существенным образом влияет на то, как устанавливаются причинно-следственные связи между такими фактами, а точнее, приводит к тому, что такие связи устанавливаются достаточно произвольно[5].

Говоря о плотности покрытия множества фактов теориями, следует уточнить, является ли эта ситуация временной или же она неискоренима. В абсолютном смысле вторая альтернатива, конечно же, более вероятна. Однако в данном случае нас должен интересовать относительный аспект проблемы. Чтобы далеко не ходить: фрагмент выступления Дж. Сартори, приведенный выше и касавшийся, как уже говорилось, современного этапа развития политологии, был на самом деле лишь *второй* половиной сказанной им фразы.

[5] Более подробно об этом – см. [Швырков 2014].

Первая же, являясь воспроизведением трактовки Карлом Дойчем послевоенного состояния политологии, звучала так: "Теория богата, а данные бедны", т.е. имела прямо противоположный смысл. Могу предположить, что К. Дойч отчасти приукрасил послевоенную ситуацию, отчасти же такое *субъективное* чувство полноты теории былых времен можно объяснить известным анекдотом о том, что тот, у кого есть только одни часы, всегда точно знает, сколько времени – в отличие от того, у кого часов несколько. Не следует, однако, сбрасывать со счетов и недостаточное в прошлом развитие коммуникаций (в том числе и научных) – о существовании альтернативных теорий многие ученые могли просто не знать, – а также сравнительно малое число задействованных в производстве теорий людей. Попросту говоря, теорий было мало, и ознакомиться с ними могли лишь немногие. Отсюда вес каждой теории субъективно ощущался как значительно больший, чем он мог быть при других обстоятельствах. За последние сто лет положение, очевидно, существенно изменилось.

Хотя рост количества фактов и рост количества теорий коррелируют между собой, скорость этого роста не одинакова: сегодня количество фактов растет значительно быстрее, чем растет количество теорий. Поэтому в плане теоретической оснащенности мы занимаем некое *среднее* положение: с одной стороны, теорий не так мало, как было раньше, и мы хорошо осведомлены о том, что это за теории, а с другой – их недостаточно, чтобы обеспечить достаточно плотное "покрытие" всего множества фактов.

Итак, возвращаясь к вопросу: временна эта ситуация или нет? Возможно, недостаток теории является просто следствием относительной молодости социальных наук, а не принципиальной невозможности достаточно полного охвата соответствующего множества фактов? Может быть, еще просто не сформировалась *критическая масса* теорий? Не могу не согласиться с А.Ю. Мельвилем в том, что политическая теория еще не прошла *линнеевский этап* [Мельвиль 2013]. Но когда произойдет определенное *теоретическое насыщение*, социально-политические науки предстанут в совершенно ином свете, будут обеспечивать гораздо более надежные прогностические результаты или хотя бы просто большую полноту видения реальности. Вопрос, таким образом, сводится к *производству новых качественных теорий*[6]. Выражаясь веберианским языком, сегодня необходимо создавать как можно больше *идеальных типов*.

2.3. Реальность и теория: *взаимно-неоднозначное* соответствие

Обилие фактов при недостатке теорий позволяет предположить, что выбор фактов, на которых строится теория, определяется в большей мере случайными обстоятельствами, чем "объективным" запросом со стороны общества. Возможно, именно поэтому все политические теории – теории *именные*, т.е. в отношении таких теорий всегда важно, кто именно был их создателем.

Более детально эту ситуацию можно описать так. Наблюдая за политической жизнью, изучая письменные свидетельства прошлого, труды ранее живших авторов, некий человек составляет себе определенное представление о политической жизни, законах, ею управляющих и т.д. В конце концов в его голове складывается целостная картина. Если этот человек имеет необходимые способности и возможности, он может представить эту картину в виде теории. Назовем такого человека *творцом теории*.

[6] А не к тому, например, что предлагается в [Теория... 2009]: присоединить математический аппарат к уже существующим теориям и дополнительно эмпирически продиагностировать их.

Если существует *избыток* политических фактов, – а он, безусловно, существует, – кто-то другой точно так же может, наблюдая и изучая, создать другую теорию, которая будет существенно отличаться от теории первого, но при этом выглядеть вполне адекватной, удовлетворять предъявляемым к структуре теории требованиям и т.д., и т.п.

Важнейшая особенность почти всех социально-политических теорий состоит в том, что они в значительной степени укоренены в сфере *мечтаний*. Стремление к "лучшей жизни" (не обязательно для себя – для человечества в целом) – это, пожалуй, чуть ли не главный мотив, который двигал и двигает большинством создателей таких теорий. Другими словами, к созданию таких теорий, возможно, побуждает не столько научный интерес к социально-политической реальности, познанию ее законов, сколько потребность в безопасности, стремление к счастью, удовлетворению и т.п. Реальность же играет здесь скорее отрицательную роль, поскольку она воспринимается как не обеспечивающая автоматически ни безопасности, ни удовлетворения, ни счастья, наоборот – чаще всего препятствует и первому, и второму, и третьему. Отсюда огромная роль *модернизаторского* компонента во всех таких теориях, т.е. компонента, направленного на преобразование реальности – как бы мы ее ни понимали, – приведения ее в соответствие с требованиями человеческой психологии. Очевидна и неизбежная *нормативность* большинства таких теорий[7]. По крайней мере тех, которые составляют ядро (или основание) существующего сегодня социально-политического знания.

Особенность (или *особость*) любой социально-политической теории, обусловленная случайностью набора фактов, на которых она строится, а также ее генетической связью с личностью ее творца, определяют весьма малую вероятность того, что эта теория получит (в любой форме) широкий "отклик".

Вследствие этих и других обстоятельств социально-политические теории могут долгое время не находить применения и, постепенно накапливаясь, образовывать своего рода *теоретический резерв*. Впрочем, со временем, при возникновении определенных обстоятельств, та или иная теория может найти своих почитателей среди политиков или лиц, стремящихся осуществить какие-то общественные преобразования.

Неизвестно, насколько точно теории соответствуют воззрениям тех, кто останавливает на них свой выбор – возможно, расхождения могут быть значительны. Здесь свою роль играют все те же факторы, которые первоначально, при возникновении теории, были ответственны за то, что она могла не найти понимания: относительный избыток фактов и особенности рождения теорий.

Все эти обстоятельства позволяют предположить, что *теория в большей мере отражает раскрытие порождающей ее человеческой природы (точнее, является результатом такого раскрытия), чем изменение реальности*. Образно выражаясь, теория может идти своим путем, а реальность – своим.

Хотя мы и находим в истории процесс раскрытия, развертывания человеческой природы [см. напр. Коллингвуд 1980], это вовсе не означает, *что это все, что там есть*. В этом процессе мы можем действовать в чем-то, что, возможно, в это же самое время раскрывает *свою суть*. Думаю, именно поэтому реальность так часто нас *удивляет* – ведь мы просто *не обращаем на нее достаточного внимания*.

Непосредственным следствием сказанного является то, что характер взаимодействия теории и реальности далек от линейности, однозначности и я бы

[7] О неискоренимости нормативности в социальных науках см., например, [Israel 1972] или [Turner 2010].

сказал, *ритмичности*. В этом я, очевидно, существенно расхожусь, например, с К. Мангейном [Мангейм 1994].

2.4. О самодовлении теории

Корпус текстов, теорий уже в силу самого своего существования представляет собой нечто замкнутое, самодостаточное, самодовлеющее. Сталкиваясь с тем или иным фактом, люди с необходимостью обращаются к этому корпусу для того, чтобы как-то этот факт объяснить. Иногда теории вполне удовлетворительно справляются с этой задачей, иногда – не очень. Что происходит во втором случае? Некоторые ученые полагают, что теория *отвергается* [Поппер 1983; Кун 1977], другие – *дополняется* [Лакатос 2003]. Да, часто так и происходит. Однако еще чаще факты, вроде бы противоречащие выводам теории, просто *игнорируются*. Причем не намеренно (например, с целью *сберечь* теорию или пощадить самолюбие ее создателя). Факты игнорируются и тем самым не влияют на формирование теории просто из-за того, что им не находится в ней места, из-за того, что они в нее *не вписываются*.

В свою очередь такое возможно (и даже *необходимо*) потому, что массив теорий занимает слишком значительный "объем" сколько-нибудь развитого сознания (чуть ли не в *физическом* смысле) и *думать* автоматически получается (преимущественно) только в терминах теории. Таким образом, не факты имеют приоритет над теорией, а теория, или, точнее, массив теорий – как раз во многом в силу этой самой *массивности* – имеет приоритет над фактами. Подчеркну: это не вопрос рационального выбора (или даже предрассудков). Это вопрос чуть ли не *физиологии*.

В силу очерченных обстоятельств *одна особая* теория, теория, не включенная в корпус других теорий, слабо с ними связанная, противоречащая им, только с большим трудом может пробить себе дорогу, найти признание.

Устоявшаяся теоретическая традиция, или хорошо сцепленный набор теорий, сам по себе, во-первых, отторгает любые другие, не вписывающиеся в него теории и, во-вторых, заставляет перетолковывать факты в задаваемом им стиле (или просто их *игнорировать*). Даже если у человека есть сомнения по поводу адекватности некоторого теоретического аппарата, он все равно вынужден им пользоваться – просто потому, что другого нет или этот другой аппарат недостаточно развит. Или – как марксизм на территории бывшего СССР – *скомпрометирован*.

Возможно, мы называем некоторый режим *демократией* (или производными от нее терминами, например, "управляемая демократия", "квазидемократия" и т.д.) только потому, что у нас нет столь же развитой, как теория демократии, теории, которая бы позволила назвать его по-другому.

Понятно, что поскольку большинство социально-политических теорий являются основой для политического дискурса, используемого в политической борьбе, на поддержку и развитие определенной теоретической традиции (или дискредитации традиции, к которой апеллируют политические оппоненты) направляются значительные материальные ресурсы.

3. ДИСКУРС – РЕАЛЬНОСТЬ

3.1. Определение политического дискурса. Синдром бедного дискурса

Итак, каковы основные характеристики политического дискурса?

Политический дискурс – это дискурс, который: 1) производится политическим субъектом; 2) является публичным; 3) "нагружен" интересом того, кто его производит.

Под политическим субъектом я понимаю того, кто борется за политическую власть или уже обладает такой властью (если такие существуют – ведь, пожалуй, даже тот, кто вроде бы обладает властью, все равно должен постоянно бороться за ее сохранение).

Дискурс всегда обращен к некоторой аудитории. Именно поэтому он публичен. Другое дело, что в разное время и при разных обстоятельствах аудитория эта существенно разнится: немногочисленная при феодализме и охватывающая почти все население сегодня.

Интерес производителя дискурса может пониматься как угодно: от совершенно корыстного до альтруистического.

Точно так же, как и в случае с теорией, богатство реальности (или обилие фактов – в данном случае это не столь важно), а также относительная автономность *сферы речи* позволяют выстроить практически любой связный, *хорошо структурированный* дискурс. Однако, в отличие от случая с теорией, многие факты при выстраивании дискурса часто игнорируются и искажаются *совершенно сознательно* – в угоду, разумеется, интересу. Образующиеся при этом логические разрывы в дискурсе могут скрепляться довольно грубо либо не скрепляться вообще.

Терпимость к подобному дискурсу со стороны аудитории, к которой он обращен, возможна в случаях, если:

1) существует только один субъект дискурса;

2) тем, к кому обращен дискурс, совершенно безразлично его содержание (похоже, именно такую ситуацию мы можем наблюдать сегодня на Украине);

3) интеллектуальный уровень тех, к кому обращен такой дискурс, не позволяет им отследить нестыковки (вероятно, использование *софизмов* в Древней Греции было возможно именно благодаря этому обстоятельству).

Иногда можно наблюдать явление, которое я назвал *синдромом бедного дискурса*. О существовании такого синдрома можно говорить, когда в генерируемом политическими субъектами дискурсе используется только очень ограниченный набор теорий из существующего на момент его генерации многообразия. Часто эти идеи являются устаревшими. При этом множество фактов, *уже истолкованных* в теории (или легко могущих быть истолкованными) либо вообще не затрагиваются в дискурсе, либо толкуются однобоко, примитивно.

Наиболее простой случай указанного синдрома, очевидно, будет тогда, когда необходимой теории *просто нет*.

Синдром бедного дискурса (по крайней мере, тот его вариант, когда необходимая теория есть, но не используется) может возникать в силу разных причин. Например, тогда, когда нарушаются коммуникации между научным и политическим сообществами, когда культурный и интеллектуальный уровень политического сообщества существенно ниже некоторого минимально необходимого для восприятия теории уровня или когда низок интеллектуальный и культурный уровень большей части населения, к которому вынуждены обращаться политики. Чаще всего эти причины взаимосвязаны, т.е. наличие одной почти всегда подразумевает существование большинства других. Можно также предположить, что они “сигнализируют” о том, что общество переживает серьезные трудности и, может быть, даже находится в состоянии распада. Многочисленные примеры синдрома бедного дискурса дает новейшая история Украины.

3.2. О понимании, или как возможна политика

С теориями всегда возникает определенная проблема – нельзя быть уверенными в правильности нашего понимания их создателей. То же самое касается и дискурса. Стремление хоть к каким-то *гарантиям* в этом вопросе, как известно, породило герменевтику. Однако какие бы методы мы ни изобретали, чтобы понять, что именно имел в виду автор того или иного текста – представленного либо устно, либо письменно – особой уверенности в том, что мы понимаем этот текст так же, как его автор, у нас все равно нет. И если у нас нет такой уверенности, не следует ли предположить – для строгости выводов, разумеется, – что мы в принципе не способны понять чью-либо мысль и во всех дальнейших построениях исходить именно из этого предположения? Пусть так, но как же тогда быть с политикой? Ведь она невозможна без коммуникации, политика сама – особый вид коммуникации. А коммуникация подразумевает понимание. Каков же выход?

Прежде всего следует помнить, что *спрос* на социально-политические теории – в любой форме – всегда коррелирует с *коммуникацией*[8]. Коммуникация по поводу сложных объектов – а именно таковыми являются государства – подразумевает сложный словарь, который можно найти только в теориях. Напротив, упрощение политической жизни всегда обедняет используемый политиками словарь и уменьшает количество теорий, на которые они ссылаются (в качестве примера также можно упомянуть использование националистической риторики в украинской политике).

Каждый политик преследует свои цели, движимый мотивами, которые могут быть сугубо индивидуальны и часто досконально неизвестны даже ему самому. Поскольку сфера политического дискурса – это прежде всего сфера коммуникации, т.е. *сфера слов*, политик не может не использовать достаточно сложную лексику для того, чтобы добиваться своих целей. При этом вовсе не обязательно, чтобы он понимал теорию, из которой черпает терминологию, столь же глубоко, как и ее создатель.

Политики, с которыми коммуницирует данный политик, как правило, владеют примерно тем же набором терминов, что и он – просто в силу схожести их карьерных траекторий, сходства образования, социального положения, воспитания и т.д. Это, разумеется, не обязательно означает, что они движимы теми же мотивами, что и он, и понимают ту или иную ситуацию сходным с ним образом.

Почему же политикам удается приходить к "консенсусу" несмотря на возможность очень разного понимания ими теории? Думаю, уместней всего здесь будет сослаться на *вероятностное* объяснение. Действительно, если набор альтернатив ограничен, – а он всегда ограничен доступным политикам набором теорий, – то достаточно велика вероятность того, что рано или поздно сложится такая ситуация, когда наберется достаточное количество политиков, которые будут поддерживать какую-то одну из альтернатив – вне зависимости от того, что каждым из них при этом будет двигать.

При этом нет необходимости в том, чтобы они одинаково понимали существо решения, на котором они сошлись. Главное – чтобы оно было сформулировано на языке известных им теорий (или, точнее, в той терминологии, которая им понятна и которой они *пользуются*).

[8] С развитием демократизации общества повышается роль коммуникаций, а значит и увеличивается спрос на хорошо структурированный дискурс [Мангейм 2000].

Очевидно, что чем менее образованна публика, тем беднее ее словарь, тем примитивней порождаемый ею дискурс, тем с меньшим количеством альтернатив она может быть ознакомлена и тем проще эти альтернативы должны быть сформулированы.

Также очевидно, что большинство людей узнает о тех или иных социально-политических идеях из дискурса, а не непосредственно из теорий (точнее, черпают *слова–термины* из дискурса, а не из теорий).

Как показал К. Скиннер, принятый в данный период *словарь* (парадигма) накладывает достаточно жесткие ограничения на характер дискурса [Скиннер 2005; Skinner 1974]. При этом нередки ситуации, когда у политиков *не хватает слов*, чтобы выразить то, что они хотели бы (или что им следовало бы) донести до своей целевой аудитории. Ситуация эта, очевидно, связана либо с ограничениями теории как таковой, либо с ограничениями *освоенного сегмента* теории.

Можно ли утверждать, что, *наделяя нас словами*, создатель теории (или производитель дискурса – назвать его "создателем" было бы, наверное, неправильно) тем самым хотя бы отчасти наделяет нас своим *сознанием*? Ответ на этот вопрос зависит от того, что считать сознанием. Если мы связываем сознание только лишь со словами, тогда ответ, вероятно, должен быть положительным.

3.3. Дискурс – реальность: параллельность существования

Дискурс может касаться только очень ограниченного числа фактов, относящихся к функционированию государственных институтов, политической системе и проч. Огромное количество фактов либо вообще остается неохваченным дискурсом, либо освещается однобоко. Обусловлено это тем, что сложный, хорошо структурированный дискурс может формироваться только на основе теорий, количество существующих теорий сравнительно невелико, а имеющиеся в наличии теории – слабые.

Теории представляют собой "резервуар", из которого можно "черпать" терминологию дискурса. Если же слов не хватает, приходится поневоле обходиться тем, что есть (о *бедности дискурса* – см. выше). Существенное же отклонение от тех *паттернов*, которые задает теория, может разрушить целостность дискурса, превратить его в нечто сумбурное (случай, когда многие факты замалчиваются или освещаются однобоко в угоду интересу производящего дискурс субъекта, я здесь не рассматриваю).

Тем не менее, несмотря на такого рода риски, *общества и государства существуют*. Одна из основных причин этого – то, что реальность ни в коей мере не находит исчерпывающего описания в теории либо дискурсе. Вербально человек может обозначить лишь малую часть из того, что он делает. Из-за этого он чаще всего реагирует не столько на идеи, почерпнутые либо непосредственно из теорий, либо из дискурса, сколько руководствуется интуицией, привычкой, традицией и т.д. (то, что мы *поименовали* все эти факторы, естественно, вовсе не означает, что мы их *постигли*). Причем все это касается как тех, кто порождает дискурс, так и тех, кто его воспринимает.

В каком-то смысле человек живет в *двух* мирах. Один из них – мир непосредственной реальности, другой – мир *рацио*, так сказать, *ноосфера* (это понятие, очевидно, употреблено здесь в ином смысле, чем у В.И. Вернадского). Однако живет он в них не одновременно, а *поочередно*. Просто чередование

этих миров происходит настолько быстро, что он этого не отслеживает, не фиксирует. Проживая значительную часть своей жизни в непосредственной реальности, люди время от времени входят в сферу дискурса (невозможную без рацио, без слов, без теорий и почерпнутых из них идей), "подключаясь" к ней, образно выражаясь, лишь *верхушкой мозга,* так сказать, *шишковидной железой* (аллюзия на тему Р. Декарта). Политики – в борьбе за власть (потому что борьба эта сопровождается производством дискурса), все остальные – либо по необходимости (например, во время *митингов* и других массовых общественно-политических мероприятий), либо в надежде узнать что-то *важное* – коль скоро считается, что события в сфере политики влияют на жизнь каждого из нас. Потом, когда необходимость в этом пропадает, они вновь "уходят на глубину", туда, где действия определяются совсем иными факторами, большая часть которых вообще не может быть вербализована.

Почему же мы придаем такое большое значение дискурсу, словам? Почему мы так часто предпочитаем верить им, а не делам (но часто действуем вовсе не в соответствии со словами – своими или чужими)?

Потому что любое относительно развитое сознание (а именно такое требуется от тех, кто имеет хоть какое-то отношение к политике) во многом существует *в вербальной форме*, в словах, через слова, посредством слов. Вследствие этого оно легко воспринимает дискурс – особенно если он хорошо структурирован и апеллирует к уже имеющейся системе представлений, но с трудом – *действия*. Ведь для того, чтобы включить действие в некоторую систему представлений, необходимо проделать определенную мыслительную работу. Тем более что чаще всего *одного* действия для того, чтобы прийти к какому-то выводу, недостаточно – необходима *серия* однотипных действий.

4. Теория – дискурс – реальность

Теперь я попробую рассмотреть взаимодействие всех трех компонент (теории, дискурса и реальности) в их совокупности.

Итак, человек способен концептуализировать, т.е. представить в виде теории, только малую часть политической реальности. Эта реальность бесконечна, неисчерпаема, непостижима.

Между любыми теориями и реальностью всегда существует *неустранимый*, хотя и *преодолимый* разрыв, – в противном случае теория не могла бы иметь хоть какого-то отношения к реальности.

Любые теоретические конструкты дискретны (хотя бы потому, что состоят из отдельных символов – букв, слов, предложений). Между ними наличествуют разрывы (например, между политологией и физикой). Пожалуй, главное, что их объединяет – это осознание их принадлежности его Я (ср. с *единством трансцендентальной апперцепции* И. Канта). Тем не менее человек живет и вынужден действовать в *непрерывном* мире, вынужден совершать поступки в ситуациях, для которых у него нет или недостаточно вербализованных (или даже вербализуемых) представлений. Однако поскольку его способность к действию не полностью зависит от качества его теоретической оснащенности, он все-таки способен "двигаться по жизни", даже не имея четкого плана, "карты" такого движения, а руководствуясь тем, что называют интуицией, чутьем, "внутренним голосом", стадным чувством, инстинктом и т.д.

Поскольку сознание всегда отдает приоритет вербализованным конструктам, более того, сознание, вероятно, само в значительной степени *есть то,*

что вербализовано (или хотя бы вербализуемо), совокупность таких вербальных (вербализуемых) представлений нередко оценивается им как более весомая, чем все, что невербализовано (невербализуемо). В силу этого именно такая *сопряженная со словом* совокупность представлений *довлеет* над всеми остальными представлениями и благодаря этому в каком-то смысле даже исподволь *подменяет* собой реальность в сознании.

Тем не менее, реальность, естественно, ни в коей мере не сводится к этой совокупности и человек, как уже говорилось, чаще всего действует, руководствуясь не только (и, вероятно, *не столько*) ею – будь это иначе, он бы просто погиб. Но он продолжает при этом так или иначе соотносить свое поведение с имеющимися у него вербализованными представлениями и оценивать свои и чужие поступки в соответствии с ними.

Человек живет как бы *по очереди* в *двух* мирах. Первый – это мир более или менее структурированных вербализуемых представлений. Второй – это мир *непосредственной реальности*, изобилующий неопределенностями, инстинктивными действиями, невербализуемыми представлениями и проч. Концептуализация политической реальности осуществляется с помощью политической теории. Ключевой момент в отношениях между политической теорией и политическими *фактами* состоит в том, что теория лишь в очень незначительной степени "покрывает", т.е. связывает в некую непротиворечивую систему, имеющееся множество фактов. В результате этого между теориями практически никогда не возникает настоящей конкуренции, анализ большинства политических процессов требует привлечения сразу нескольких теоретических моделей, а выстраивание фактов в виде причинно-следственных цепочек затруднено или вообще невозможно. В силу особенностей происхождения политической теории, а также ее принципиальной, сущностной нормативностью, такая теория существует в определенной степени параллельно, независимо от политической реальности.

Теории служат источником *слов* (терминов) для политического дискурса и моделей для организации политических институтов.

Отношение между теорией и дискурсом лучше всего описывается с помощью *метафоры порождения*. То есть дискурс не является упрощенным или искаженным вариантом теории, а имеет свою собственную природу.

Хорошо структурированный дискурс особенно важен именно в политической сфере, поскольку политика подразумевает сложные коммуникации по поводу сложных объектов (государств, отношений между ними, отношений внутри государств между различными социальными группами и т.д.).

Теория делает возможным консенсус по поводу политических установлений, институтов и проч., поскольку представляет ограниченный набор альтернатив для таких установлений и институтов. Независимо от того, как эти альтернативы понимаются политиками, их, альтернатив, ограниченное количество, а любой политический дискурс не может не основываться на политической теории, что в итоге приводит к рано или поздно возникающему согласию по поводу одной из них.

Коллингвуд Р.Дж. 1980. Идея истории. – *Идея истории. Автобиография.* М.: Наука. С. 5-320.

Кун Т. 1977. *Структура научных революций*. М.: Прогресс. 300 с.

Лакатос И. 2003. *Методология исследовательских программ*. М.: АСТ; ЗАО НПП "Ермак". 384 с.

Мангейм К. 1994. Идеология и утопия. – Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. М.: Юристъ. С. 7-164.

Мангейм К. 2000. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. – Мангейм К. *Избранное: Социология культуры*. М.; СПб.: Университетская книга. С. 94-233.

Мельвиль А.Ю. 2013. Когда и как может закончиться "линнеевский этап" в нашем профессиональном развитии? – *Интернет-портал Российской ассоциации политической науки*. Доступ: http://www.rapn.ru/in.php?d=4170&gr=1623 (проверено 09.07.2016).

Поппер К. 1983. Логика научного исследования. – *Логика и рост научного знания. Избранные работы*. М.: Прогресс. С. 33-235.

Скиннер К. 2005. Язык и политические изменения. – *Логос*. № 3 (48). С. 143-152.

Тарасов А.Н. 2007. *Ложь в политике, или Желтый логарифм. Причины, цели, технологии и результаты. Российский и зарубежный опыт*. М.: Книжный мир. 544 с.

Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза. Под ред. С.У. Ларсена. 2009. М.: РОССПЭН. 751 с.

Франк С.Л. 1990. Непостижимое. – Франк С.Л. *Сочинения*. М.: Правда. С. 183-559.

Фуко М. 2010. *История безумия в классическую эпоху*. М.: АСТ МОСКВА. 698 с.

Швырков А.И. 2014. Политическая реальность, теория и факты. – *Политэкс*. №1. С. 261-280.

French S., Vickers P. 2011. Are There No Things That Are Scientific Theories? – *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 62. No. 4. P. 771-804. DOI: http://doi.org/10.1093/bjps/axr011

Israel J. 1972. Is a Non-Normative Social Science Possible? – *Acta Sociologica*. Vol. 15. No. 1. P. 69-89. DOI: http://doi.org/10.1177/000169937201500106

Sartori G. 2009. Roundtable Discussion: Logic, Concepts and Political Science: Problems, Challenges, Prospects. – *21st IPSA World Congress of Political Science "Global discontent? Dilemmas of change", Santiago 2009*. URL: http://videolectures.net/ipsa09_sartori_lcps/ (accessed 09.07.2016).

Skinner Q. 1974. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole. – *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J.H. Plumb*. Ed. by N. McKendrick. L.: Europa Publications. P. 93-128.

Turner S.P. 2010. *Explaining the Normative*. Oxford: Polity Press. 240 p.

Walsh W.H. 1967. *An Introduction to the Philosophy of History*. L.: Hutchinson. 215 p.

DOI: 10.17976/jpps/2016.05.06

THEORY, DISCOURSE AND POLITICAL REALITY

A.I. Shvyrkov[1]

[1] *V.N. Karazin Kharkiv National University. Kharkiv, Ukraine*

SHVYRKOV Alexander Ivanovich, Cand. Sci. (Philos.), doctoral student, V.N. Karazin Kharkiv National University. Email: aishvyrkov@rambler.ru

Received: 09.05.2015. Accepted: 01.02.2016

Abstract. The article analyzes the relationship between political reality, theory and discourse. Political reality must be distinguished from political facts. Political facts appear only with the appearance of political theory. Increasing the number of theories we always increase the number of facts. The key moment in relationships between theory and facts is that theories "cover" only a very small number of

facts. A source from which we draw facts is reality. Reality is incomprehensible, infinite, inexhaustible etc. that is it is something like medieval philosophers' God. Due to political theories origin, in particular, their close relationship with their creators' personalities and their principal, essential normativity such theories can exist, to a certain extent, in parallel, independently of political reality. Theories serve as a source of words for political discourse and models for political institutions arrangement. The relationships between theory and discourse are best described using the metaphor of producing. That is, discourse is not just a simplistic or distorted version of a theory: it has its own nature. The theory makes consensus on political institutions possible because it provides a limited set of alternatives for such institutions. Regardless of how these alternatives are understood by politicians, their, alternatives, limited number, as well as the fact that any political discourse must be based on political theory, leads to the fact that sooner or later the agreement on one of these alternatives arises.

Keywords: political reality; theory; discourse; fact; syndrome of poor discourse; political institution.

References

Collingwood R.G. The Idea of History. (Russ. ed.: Collingwood R.G. Ideya istorii. – Collingwood R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya*. Moscow: Nauka. 1980. P. 5-320.)

Frank S.L. Nepostizhimoe [The Unknowable]. – Frank S.L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda. 1990. P. 183-559. (In Russ.)

French S., Vickers P. Are There No Things That Are Scientific Theories? – *British Journal for the Philosophy of Science*. 2011. Vol. 62. No. 4. P. 771-804. DOI: http://doi.org/10.1093/bjps/axr011

Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. Folie et déraison. (Russ. ed.: Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu*. Moscow: AST MOSKVA. 2010. 698 p.)

Israel J. Is a Non-Normative Social Science Possible? – *Acta Sociologica*. 1972. Vol. 15. No. 1. P. 69-89. DOI: http://doi.org/10.1177/000169937201500106

Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. (Russ. ed.: Kuhn T.S. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow: Progress. 1977. 300 p.)

Lakatos I. The Methodology of Scientific Research Programmes. (Russ. ed.: Lakatos I. *Metodologiya issledovatel'skikh programm*. Moscow: AST; Ermak. 2003. 384 p.)

Mannheim K. Ideology and Utopia. (Russ. ed.: Mannheim K. Ideologiya i utopiya. – Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow: Yurist. 1994. P. 7-164.)

Mannheim K. Essays on the Sociology of Culture. (Russ. ed.: Mannheim K. Problema intelligentsii. Issledovaniya ee roli v proshlom i nastoyashchem. – Mannheim K. *Izbrannoe: Sotsiologiya kul'tury*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 2000. P. 94-233.)

Melville A.Yu. *Kogda i kak mozhet zakonchit'sya "linneevskii etap" v nashem professional'nom razvitii?* [When and How Can End "Linnaean Phase" in Our Professional Development?]. – *Internet Portal Russian Political Science Association*. URL: http://www.rapn.ru/in.php?d=4170&gr=1623 (accessed 09.07.2016).

Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery. (Russ. ed.: Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya. – Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty*. Moscow: Progress. 1983. P. 33-235.)

Sartori G. Roundtable Discussion: Logic, Concepts and Political Science: Problems, Challenges, Prospects. – *21st IPSA World Congress of Political Science "Global discontent? Dilemmas of change", Santiago 2009*. 2009. URL: http://videolectures.net/ipsa09_sartori_lcps/ (accessed 09.07.2016).

Shvyrkov A.I. Political Reality, Theory and Facts. – *POLITEX*. 2014. No. 1. P. 261-280. (In Russ.)

Skinner Q. Language and Political Change. – *Logos*. 2005. No. 3 (48). P. 143-152. (In Russ.)

Skinner Q. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole. – *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J.H. Plumb*. Ed. by N. McKendrick. London: Europa Publications. 1974. P. 93-128.

Tarasov A.N. *Lozh' v politike, ili Zheltyi logarifm. Prichiny, tseli, tekhnologii i rezul'taty. Rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Lie in Politics, or Yellow Logarithm. Reasons Objectives, Technology and Results. Russian and Foreign Experience]. Moscow: Knizhnyi mir. 2007. 544 p. (In Russ.)

Theory and Methods in Political Science. The First Steps to Synthesize a Discipline. (Russ. ed.: *Teoriya i metody v sovremennoi politicheskoi nauke: Pervaya popytka teoreticheskogo sinteza*. Pod red. S.U. Larsena. Moscow: ROSSPEN. 2009. 751 p.)

Turner S.P. *Explaining the Normative*. Oxford: Polity Press. 2010. 240 p.

Walsh W.H. *An Introduction to the Philosophy of History*. London: Hutchinson. 1967. 215 p.